
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Учение о неэргодичности социального мира¹

Рецензия на книгу: Талеб Н.Н. (2018) Рискаю собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

Е.В. БАЛАЦКИЙ*

***Евгений Всеволодович Балацкий** – доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН. Адрес: 109456, Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4, оф. 219. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Цитирование: Балацкий Е.В. (2020) Учение о неэргодичности социального мира // Мир России. Т. 29. № 1. С. 174–193. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193

В 2018 году в России вышла в свет на русском языке очередная (уже пятая по счету) книга Нассима Талеба «Рискаю собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни». Как и в предыдущих бестселлерах? автор ставит множество актуальных вопросов и предлагает свое видение их решений. Книги Н. Талеба содержат в себе много важного и интересного, но еще больше в них недосказанного. Последняя книга не является исключением из этого правила, в связи с чем автор статьи попытался переосмыслить, прокомментировать и дополнить основополагающие идеи Н. Талеба. Помимо этого, в статье делается попытка «встроить» ключевые тезисы Н. Талеба в контекст современных социальных исследований, включая концепции Дугласа Норта, Джорджа Сороса, Фрэнсиса Фукуямы, Тома Пикетти, Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона.

Ключевые слова: риск, институты, информация, успех, эргодичность, системность

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2020 год по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (шифр проекта: АААА-А19-119080990043-0).

Введение: новое звучание старых истин

Сегодня мы живем в эпоху глобальной турбулентности, когда старый мир рушится, а новый еще не построен и даже как-то не очень хочет строиться. В такие периоды общество и все его члены пребывают в безопорном состоянии: под сомнением оказываются все базовые ценности и принципы, не ясна модель жизненного успеха, рушатся традиционные связи с людьми. В это время возникает много сакраментальных вопросов: почему так происходит; куда мы катимся; что в мире не так; на что опереться в этом всеобщем хаосе...

Именно в такие моменты приходят разнообразные пророки, и на роль одного из них уже около десятилетия претендует Нассим Талеб, американский экономист и биржевой трейдер ливанского происхождения. В 2018 г. российский читатель получил его очередной бестселлер, в котором осмысливаются самые злободневные проблемы современного общества, затрагивающие буквально каждого человека [Талеб 2018]. Центральной идеей книги является тезис, согласно которому все эффективные решения в этом мире принимаются только людьми, в полной мере разделяющими риск от неправильно принятого ими решения, т.е. если их «шкура стоит на кону».

Следует сказать, что анализируемая книга не обижена вниманием ни на Западе, ни в России. В англоязычном мире на нее вышло изрядное число рецензий и обзоров, в которых идеи Н. Талеба и форма их подачи подверглись довольно серьезной критике. Тональность отзывов сильно различается: например, Уильям Лейт из *Evening Standard* ограничился предельно краткой рецензией, в которой иронизировал по поводу главных злодеев современного мира – бывшего министра финансов США Роберта Рубина, а также академических ученых Стивена Пинкера, Тома Пикетти и нобелевского лауреата Ричарда Талера, чьи модели не убеждают Н. Талеба; не меньшую иронию вызывают и герои автора – Юлиан Отступник, римские императоры, погибшие в бою, и современный азартный игрок Эд Торп [Leith 2018]. Еще более короткий обзор книги был сделан изданием *The Economist*, в котором автора ловят на многочисленных примерах использования различных стандартов к своим и чужим аргументам; по мнению рецензента, Н. Талебу есть что сказать, но злые перепалки с идейными оппонентами сводят на нет позитивную часть его изысканий [Nassim Taleb Explains 2018]. Зои Уильямс из *The Guardian* разразилась еще более едкой критикой стиля Н. Талеба: ее вполне справедливо раздражает тезис автора, что каждый экономист, журналист, рецензент книг или профессор, не являющийся частью «активной и транзакционной жизни», представляет собой заядлого идиота, если, конечно, он не является близким другом самого Н. Талеба [Williams 2018]. Не меньше ее раздражает и самолюбование Н. Талеба на основе сочетания бесстрашия, веры в себя и нескромности. По ее мнению, это добавляет ему харизмы и делает его своеобразным фестивальным мессией, за которым можно пойти в реку, если принял изрядную дозу наркотика. Автор статьи обращает внимание и на естественные пределы самого принципа «шкура на кону»: например, совершенно необязательно (и даже нежелательно!), чтобы закон об убийстве написала мать убитого ребенка.

Однако некоторые рецензенты книги Н. Талеба стараются увидеть в ней конструктивные моменты: так, Аджай Сабхарвал полагает, что ливанский экономист

открывает дискуссию (и этого давно не хватало в академическом или журналистском мире) о морали капитализма. При этом обозреватель поясняет, что Н. Талеб отнюдь не против создания капитала, он против деструктивной погони за рентой. Если неравенство возникает в результате создания реальной стоимости человеком, поставившим «шкуру на кон», то такое неравенство общество может принять; если же человек получает все, не рискуя при этом ничем, то такое положение дел недопустимо [Sabharwal 2018].

Отзывы российских читателей Н. Талеба в целом совпадают с мнением западных рецензентов: один из обозревателей справедливо утверждает, что «книги Нассима Талеба вызывают неоднозначную реакцию, но они всегда становятся событием» [Колесников 2018]. Данный факт дает основание рецензенту провести анализ идей американского экономиста буквально по пунктам. В другом месте читатель очень точно резюмирует основную мысль книги: «<...> есть всего два типа людей – те, кто перекладывает риски на других, и те, кто несет их сам» [Ковалева 2018]. Еще один рецензент предлагает абсолютно точную оценку стиля автора: «Талеб пишет сложно, метко и язвительно, с интересными формулировками. <...> И – обо всем на свете», а в другом месте этой же рецензии дается характеристика и самому автору: «Талеб – крутой. Он просто Чак Норрис среди современных философов, экономистов и прочих умных людей» [Нассим Николас Талеб 2018]. В другом отзыве этот красочный портрет дополняется не менее значимым свойством: «Талеб почувствовал вкус денег и решил стать Дарьей Донцовой? В каждой книге все больше и больше воды» [Шегай 2018]. А кто-то указывает на очередное противоречие образа мышления автора: «Талеб очень много критикует различных людей в книге, называя их идиотами. При этом придерживается добродетели, которая как раз учит толерантно относиться к людям, ведь они заблуждаются не специально» [Рыбаков 2018]. Очень точное наблюдение высказано одним рецензентом относительно основных понятий книги: так, принцип «шкуры на кону» служит своеобразным связующим звеном между *риском* и *вознаграждением*; при его отсутствии экономическая система деградирует и разваливается [Фаизова 2018].

Наверное, можно остановиться на этом перечислении мнений о рецензируемой книге. Всего сказанного вполне достаточно для того, чтобы понять правильный подход к работе Н. Талеба, т.е. надо полностью абстрагироваться от личности автора, сконцентрировавшись на его основных идеях: последние действительно заслуживают этого, ибо затрагивают самые основы социального бытия и, как это часто бывает, заполняют некоторые белые пятна в управленческой науке.

Забывтый принцип управления и феномен бюрократии

Книга Н. Талеба полна афоризмов и сентенций. Главное место среди них занимает принцип «шкуры на кону» (ПШК), который звучит тривиально: «Тех, кто ничем не рискует, нельзя допускать к принятию каких бы то ни было решений» [Талеб 2018, с. 28]. Как справедливо замечает сам автор, идея ПШК вплетена в историю: общества управлялись теми, кто принимает на себя риск, а не теми, кто его навязывает другим. Таким образом, можно констатировать, что ПШК –

это хорошо известный с древности принцип, но в современном обществе его игнорируют, стараются забыть, против чего и восстает Н. Талеб. Отказ от ПШК ведет к тому, что лицо, принимающее решение, не несет ответственности за него и тем самым перекладывает риски принятого им решения на других людей. Такая ситуация рано или поздно ведет к социальной катастрофе.

ПШК имеет под собой и глубокую психологическую основу. Используя метафору Н. Талеба, можно говорить, что у человека есть две части мозга: одна работает, когда он ставит «шкуру на кон», другая, когда не ставит. В результате получается, что в зависимости от выполнения или невыполнения ПШК будут генерироваться разные решения. Причем данный принцип играет огромную роль в обучении и формировании ясного мышления. По личному признанию Н. Талеба, когда он не ставит «шкуру на кон», он проявляет редкостное тупоумие; когда же появляется риск, то он начинает без труда анализировать и учитывать вероятности самых запутанных явлений [Талеб 2018, с. 57].

Ранее мы уже отмечали, что ПШК служит своеобразным связующим звеном между риском и вознаграждением [Фаизова 2018]. Раскроем этот тезис с формальной стороны. Если нарисовать две гипотетические кривые распределения риска $R=R(L)$ и дохода (вознаграждения) $W=W(L)$ по социальным группам населения (L), то в условиях ПШК эти убывающие кривые будут примерно параллельны друг другу, а в идеале – совпадать² (рисунки 1); в реальности имеет место ситуация, когда распределение риска прогибается вниз с одновременным подъемом «хвоста» за счет перекладывания ответственности высшими социальными группами на низшие и становится симметричным относительно распределения дохода. Тогда вместо распределения $R_1(L)$, близкого к идеальному, получается деформированное распределение $R_2(L)$. Продолжая данную логику, можно сказать, что показатель расхождения величины рисков в двух распределениях будет характеризовать степень правильности общественного устройства

$$\Delta = \sum_i |R_{i1} - R_{i2}|,$$

где i – индекс социальной группы. Чем больше коэффициент деформации Δ , тем слабее проявляется ПШК и тем хуже вся социальная конфигурация.

Данное изящное построение, неявно присутствующее у Н. Талеба, заиграет более яркими красками, если его поместить в контекст одного из фундаментальных тезисов Дугласа Норта относительно вектора эволюции общества. Согласно трактовке Д. Норта, мир развивается путем перекладывания рисков из физического мира в мир социальный. Накапливаемые человечеством знания являются причиной появления новых технологий и роста власти над природой (физическим миром), снижая тем самым неопределенность действий окружающей среды. Однако такие сдвиги ведут к усложнению социальной среды и формированию новых институтов, которые становятся источником совершенно новой социальной неопределенности [Норт 2010, с. 38].

² Мы предполагаем, что для одних и тех же лиц производится замер их рисков и доходов; состав групп не меняется в двух распределениях для обеспечения их сопоставимости.

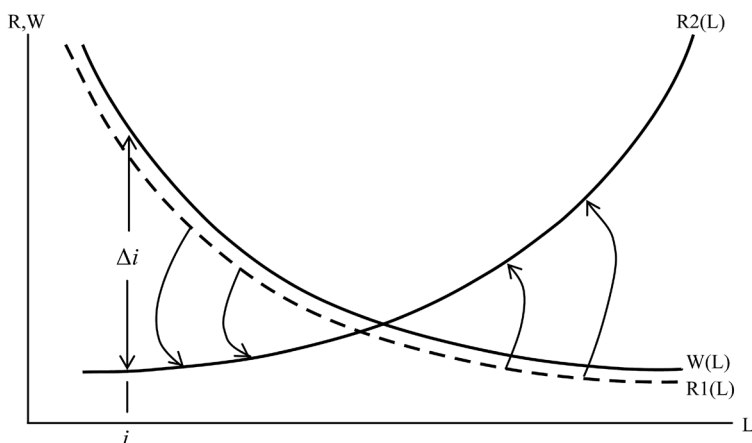

Рисунок 1. Распределение населения в зависимости от риска и дохода

Нарисованная картина эволюции провоцирует вполне закономерные вопросы: как долго риски могут переключаться из физического мира в мир социальный; не грозит ли такое развитие событий переполнением социальных рисков и взрывом всего общественного устройства? Д. Норт дает самый общий ответ на эти вопросы: борьба с социальными рисками ведется путем внедрения новых институтов (правил игры), которые эффективно переупорядочивают накопленные риски и тем самым снимают социальное напряжение [Норт 2010, с. 183]. В этой точке концепции Д. Норта ее прекрасно дополняет Н. Талеб, утверждая, что распределение материальных и моральных благ в обществе должно быть строго привязано к распределению рисков между конкретными людьми, а эта связка обеспечивается ПШК. В этом смысле талебовский принцип выступает в качестве самого важного института и эволюционного принципа современного общества, который гарантирует, что риски не выйдут за пределы допустимого: «ПШК держит человеческую спесь под контролем» [Талеб 2018, с. 35].

В контексте теории Н. Талеба новое звучание получает феномен бюрократии, который трактуется им как некая конструкция, отделяющая человека от его действий [Талеб 2018, с. 30]. Современный бюрократ редко оказывается в качестве бенефициара собственных решений, следовательно, обратная связь от его деятельности отсутствует, а это является залогом нерационального управления. В этом пункте Н. Талеб четко определяет, что рациональными являются решения, способствующие выживанию коллектива и индивида, причем в строгой иерархии – прежде всего большие группы (целое), а потом конкретный человек (часть): частью можно пожертвовать, но гибель целого невосполнима. Нарушение этого принципа грозит катастрофой, в этом случае могут погибать не только отдельные люди, но и целые народы. Бюрократия же, не имеющая обратных связей и замкнутая сама на себя, склонна усложнять свои решения до тех пор, пока сама же не рухнет.

Концепция Н. Талеба чрезвычайно актуальна для современной России, которая в настоящее время бьет рекорды по масштабу бюрократизации. Например, российские власти ввели в практику оценки научных организаций и университе-

тов ключевые показатели эффективности (КПЭ), которые напрямую не имеют отношения ни к содержанию научной деятельности, ни к жизни, при этом все это сделано после разрушения промышленности и разрыва ее связей с образованием и наукой. В результате наука и образование превратились в самодостаточные анклав, поощряемые из бюджета страны в зависимости от выполнения КПЭ – публикуемости и цитируемости исследователей. Итогом такой политики становятся не востребуемость результатов науки (образования), уход из нее наиболее талантливых людей, который в перспективе закончится крушением всей отрасли.

Относительно назначения бюрократов в России на высокие должности имеет место классическое нарушение ПШК: человек, назначенный на высокий пост с сопутствующими ему бонусами (деньги, власть, положение), может полностью развалить находящийся в его ведении объект управления, после чего будет переведен на другую работу с повышением. Похожая ситуация давно наблюдается в банковском частном секторе многих западных стран.

Характерно, что во времена И.В. Сталина ПШК действовал безукоризненно: назначаемый директор завода прекрасно знал свои задачи, равно как и то, что его ждет в случае провала – ответственность в форме тюремного заключения или даже расстрел. В политическом дискурсе современной России ПШК в талевском понимании (но за много лет до Н. Талеба!) пропагандировал оппозиционный политик Ю.И. Мухин, призывавший ввести практику оценки избирателями на выборах деятельности старого состава власти путем проставления отметки в одной из строк бюллетеня – «достойн наказания», «достойн поощрения», «без последствий» [Мухин 2011].

В общеполитическом аспекте ПШК уменьшает *свободу* индивида, но одновременно с этим повышает *стабильность* всей социальной системы. Утешением этому может служить тот факт, что речь идет об урезании свободы делать глупые ошибки, за которые расплачиваются другие, что не так уж страшно для умных и ответственных людей.

Эффект Линди и современная наука

Особый интерес вызывает аспект, связанный с *вознаграждением* за принятые на себя риски, а этот вопрос непосредственно связан с оценкой *истинных* результатов деятельности человека. И здесь Н. Талеб вводит несколько свежих идей. В частности, он формулирует понятие *эффекта Линди*, согласно которому: (1) *истинная ценность* любого творения (идеи, технологии, книги, корпорации и т.д.) определяется его *живучестью*, т.е. сроком жизни θ ; (2) *ожидаемый* (в будущем) срок жизни творения t определяется его *фактическим* (в прошлом) возрастом. Эффект Линди можно записать формально: в жесткой формулировке – ожидаемый срок жизни творения полностью определяется его фактическим возрастом, т.е. $t=\theta$; в мягкой форме – чем больше фактический возраст творения, тем выше ожидаемый срок жизни, т.е. $dt/d\theta > 0$. Например, если книга или научная концепция продержалась 100 лет и до сих пор актуальна, то весьма велика вероятность того, что она продержится еще столько же, поскольку истинным оценщиком является время, т.е. способность противостоять разрушительному хаосу.

Говоря в данном контексте о когнитивной сфере, Н. Талеб ставит очень точный диагноз: глобальная проблема современной науки состоит в том, что ее потребителями не могут быть сами производители (исследователи), это должен быть кто-то другой, т.е. люди за пределами отрасли. Это также верно, как то, что писателя должны оценивать его читатели, а не критики или коллеги-писатели, композитора и музыканта – слушатели, бизнесмена – его личный бухгалтер и т.д. Иными словами, истинный критерий – признание рынка, а не коллег по цеху, а невозможность прямой рыночной проверки ведет к профанации. В России этот простой принцип систематически нарушается, более того, критикуется как глубоко ошибочный.

Другая идея состоит в том, что современный исследователь должен поставить что-то на кон, например, свое свободное от работы время или здоровье. Здесь хрестоматийными могут считаться примеры из прошлого. Так, Иоганн Кеплер делал свои выкладки и расчеты планетных орбит ночью, отрывая драгоценное время от сна, после полного рабочего дня в качестве придворного астролога. Антони ван Левенгук всю жизнь был торговцем и оптиком, при этом он создал микроскоп, с помощью которого открыл бактерии, в свободное от работы время. Еще более впечатляющие жертвы приносил на алтарь науки И.И. Мечников, который, проверяя свои гипотезы о распространении бактерий, привил себе холеру и возвратный тиф; также намеренно заразил себя сифилисом, доказывая действенность разработанной им мази. Подобных примеров можно привести бесконечное множество. Однако сегодня ПШК в науке нарушен, ученые работают за зарплату и гранты, не несут персональной ответственности за допущенные ошибки, а их оценка сводится к публикациям в престижных журналах, что на самом деле является лишь признаком их эффективного укоренения в академическом сообществе. Нассим Талеб справедливо восстает против нынешней «отформатированной» науки, и уже сейчас можно сказать, что его позиция не просто верна, а требует широкого обсуждения и внедрения в жизнь.

Учение об эмерджентности и принцип «шкурты на кону»

Вне всякого сомнения, Н. Талеб является одним из преданных апологетов системного подхода. Он постоянно призывает читателя учитывать, что в социальной системе много взаимодействующих между собой участников, и, следовательно, надо строго различать *индивидуальное* и *коллективное* поведение. Если формализовать эту логику, то следует говорить о существовании глобального системного баланса, когда общий (*системный*) эффект или потенциал системы (E) складывается из двух составляющих – суммы индивидуальных эффектов (E₁) и суммы эффектов от взаимодействия элементов друг с другом (E₂) (т.е. E=E₁+E₂); эффекты E₁ и E₂ будем называть *внутренним* и *эмерджентным* эффектом соответственно. Это уравнение можно переписать в развернутой форме:

$$E = \sum_{i=1}^I E_i + \sum_{j=1}^I \sum_{i=1}^I E_{ij}, \quad (1)$$

где E_i – потенциал (результат деятельности) i -го участника системы; E_{ij} – потенциал взаимодействия i -го и j -го участников системы. На рисунке 2 несложно увидеть, что при правильном взаимодействии, когда $E_{ij} > 0$, эмерджентный эффект положителен ($E_2 > 0$) и системный эффект больше внутреннего ($E > E_1$). Более того, именно эмерджентный эффект в современном мире становится определяющим.

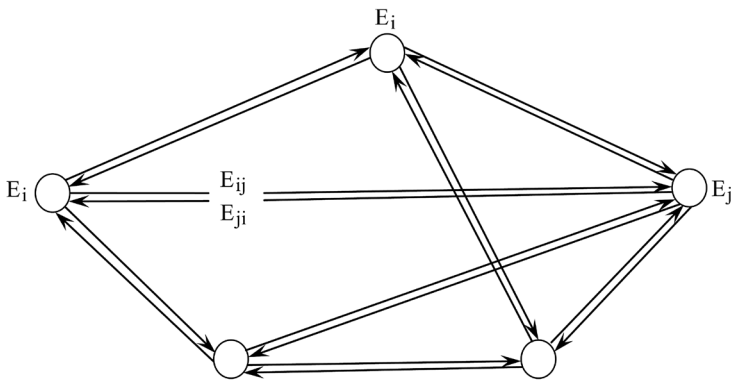

Рисунок 2. Внутренние и эмерджентные эффекты в социальной системе

Ярким примером действия правила (1) может служить Россия с ее местом в международном разделении труда. Общеизвестно, что многие россияне весьма талантливы и обладают высокой креативностью по сравнению, например, с японцами или китайцами. Однако в Японии и Китае хорошо налажено сотрудничество между разными людьми и социальными группами, тогда как в России взаимодействие между людьми в силу плохого управления принимает деструктивный характер, когда эмерджентный эффект становится не просто низким, но даже отрицательным ($E_2 < 0$). Результат такого расклада сил оказывается удручающим для России, и ее роль в мировой экономической системе становится все меньше. Иными словами, наличие в стране большого числа конфликтующих между собой гениев делает страну еще беднее. На поверхности это принимает форму парадокса: государство с талантливыми людьми оказывается на периферии мировой хозяйственной системы.

Статическое уравнение (1) может быть обобщено для динамического случая, когда замер функционала системы производится за T лет:

$$E_T = \sum_{t=1}^T \sum_{i=1}^I E_{it} + \sum_{t=1}^T \sum_{j=1}^J \sum_{i=1}^I E_{ijt}, \quad (2)$$

где E_{it} – потенциал (результат деятельности) i -го участника системы в момент времени t ; E_{ijt} – потенциал взаимодействия i -го и j -го участников системы в момент времени t .

Из формулы (2) хорошо просматривается тезис Н. Талеба о том, что системы (целое) обучаются, избавляясь от своих частей [Талеб 2018, с. 34]. Например, если в правой части (2) некий элемент в определенный момент времени выбывает из системы (обнуляется), то это не приведет к обнулению левой части (2). Более того, это может даже увеличить потенциал системы, если выпавший элемент вносил в нее отрицательный вклад по линии взаимодействия с другими субъектами. Таким образом, крах глупых индивидуальных начинаний «разгружает» систему от ненужных рисков, ведет к накоплению позитивных знаний посредством их распространения по цепочке межэлементных взаимодействий и улучшает работу социума. В этом пункте возникает ключевая интрига в диалектике части и целого, когда катастрофа для конкретного индивидуума в конкретный момент времени позволяет обществу (т.е. всем его участникам!) в последующие периоды избегать совершенной данным субъектом ошибки и выбирать правильную траекторию поведения. Таким образом, интересы индивидуума (части) и социальной системы (целого) могут принципиально расходиться и противоречить друг другу.

Сам крах, который терпит индивид из-за своих просчетов, является оздоравливающим для общества только в том случае, когда действует ПШК, требующий жесткой расправы за «неправедные риски». Адресная расплата за допущенные ошибки выступает в качестве основы выживания общества; в противном случае информация об ошибке «глушится», т.е. ее наличие становится неочевидным, и возникает возможность бесконечного повтора нежелательных явлений.

Если воспользоваться примером Н. Талеба об игре в русскую рулетку, то погибающий в процессе этой игры человек расплачивается за взятый на себя бессмысленный риск³. В этом случае для данного человека и его близких такой исход является трагедией, тогда как для общества – благом, ибо одним идиотом стало меньше, а всем остальным ясно, что в такую игру лучше не играть. Это в случае действия ПШК. А теперь представим «извращенную» русскую рулетку – с насильственным переносом риска на других людей, следовательно, с отсутствием ПШК. Например, шесть участников приставляют дуло револьвера не к своей голове, а к голове седьмого участника, насильственно вовлеченного в авантюру. Результат будет ожидаемым: погибнет невольный участник игры. Какие выводы можно вывести из произошедшего события? Никаких, поскольку ошибки совершали одни, а расплатился за них кто-то другой. Связь между риском и вознаграждением/наказанием разорвана, а событие не несет никакой информации относительно самой ошибки.

Как ни парадоксально, но в реальной жизни ситуации с извращенным вариантом русской рулетки встречаются на каждом шагу, и в России последнего десятилетия это явление стало повальным.

³ Игра в русскую рулетку состоит в том, шесть человек по очереди приставляют дуло револьвера с одним патроном к голове и нажимают на спусковой крючок. Выигрыш получают оставшиеся в живых пять человек. Игра может быть продолжена до момента, когда в живых останется только один человек.

Факторы и формы неэргодичности социума

Развивая логику ПШК, Н. Талеб подходит к понятию *неэргодичности*, которое подразумевает ситуацию, когда наблюдаемые прошлые вероятности неприменимы к будущим процессам [Талеб 2018, с. 327]. В более широкой современной трактовке предполагается, что для неэргодических систем математическое ожидание по временным рядам не совпадает с математическим ожиданием по пространственным рядам. Н. Талеб поясняет эту ситуацию на содержательном уровне: так, он вводит понятие *поглощающего барьера*, который навсегда останавливает рискующего субъекта. Преодоление данного барьера невозможно и означает *крах* реализуемой стратегии, когда анализ эффективности затрат теряет смысл. По Н. Талебу, *риск* и *крах* – это принципиально разные вещи [Талеб 2018, с. 336]. В отличие от риска крах неделим, инвариантен относительно источника неопределенности и не предполагает никаких манипуляций [Талеб 2018, с. 330].

Введение понятия краха позволяет рассматривать два типа явлений – *уникальные* (неповторяющиеся) риски и *накапливающиеся* (повторяющиеся) риски. По мнению Н. Талеба, большинство людей не разделяют эти типы рисков и тем самым допускают фатальные ошибки. Возвращаясь к примеру русской рулетки, легко показать разницу между двумя типами риска: так, для конкретного постоянного участника один раунд в подобной игре дает относительно небольшую вероятность погибнуть ($1/6$), тогда как бесконечное повторение таких раундов заведомо приведет к его гибели (вероятность стремится к 1). Аналогичным образом, выкуривание одной сигареты совершенно неопасно и с учетом небольшой стоимости такого удовольствия может считаться допустимым, однако постоянное интенсивное курение ведет к стремительному росту вероятности летального исхода. Обобщение очевидно: одно неудачное государственное решение в сфере образования не является фатальным, но часто повторяющиеся ошибочные решения заканчиваются полным разрушением отрасли; одно опрометчивое инвестиционное решение банка не страшно, но множество таких решений ведет к банкротству.

Нассим Талеб дает иллюстрацию неэргодичности и в традиционных математических терминах: когда совокупность (ансамбль) игроков не обладает такими же статистическими характеристиками, как один игрок на протяжении всего времени [Талеб 2018, с. 348]. Затем он рассматривает вероятности по времени и по ансамблю (в пространстве) на примере той же русской рулетки, когда сравниваются две ситуации: шесть раундов игры с разными участниками (распределение по ансамблю) и шесть раундов с одним и тем же участником (распределение во времени). Для социальной системы смерть одного участника является эргодическим процессом, а для постоянного участника это неэргодическое явление. В приложениях Н. Талеб даже дает читателю простую *теорему об исчезновении эргодичности*, которая утверждает, что подобное исчезновение происходит, когда вероятность выигрыша участника по пространству состояний (по ансамблю) (P_N) превышает вероятность выигрыша участника по времени (P_T): $P_N > P_T$. Переводя сказанное на язык ранее введенных терминов, это означает, что утрата свойства эргодичности происходит из-за появления накапливающихся (повторяющихся) рисков.

Надо сказать, что само свойство неэргодичности социальной системы является фундаментальным и имеет принципиальное значение для прогнозирования

в смысле его отрицания. И здесь Н. Талеб следует традиции, начатой Джорджем Соросом и Дугласом Нортом⁴. Напомним лишь, что Д. Норт в своем понимании социума отталкивается от факта его незргодичности. Он, в частности, подчеркивает, что для десяти тысячелетий человеческой истории эргодическая гипотеза не выполняется. Но Д. Норт идет дальше и говорит, что экстраординарные изменения в экономике свидетельствуют о том, что мы создавали и создаем общества, являющиеся *уникальными* по сравнению со всем, что имело место в прошлом. Изменения, осуществляемые нами сегодня, завтра образуют новую и во многом неожиданную среду. Неожиданную в том смысле, что у нас нет исторического опыта, который подготовил бы нас к встрече с ней [Норт 2011, с. 37]. Причем речь идет об изменении как физической, так и социальной среды. Далее Д. Норт задается сакраментальным вопросом: если мы постоянно заняты созданием нового, *небывалого прежде* мира, то насколько хороша для его описания теория, основанная на прошлом опыте? Ответ напрашивается сам собой – она не годится. В этом пункте анализа Д. Норт методологически очень близок к раннему Н. Талебу, когда последний развивал концепцию «черных лебедей», т.е. периодически возникающих в социуме уникальных событий, предсказать которые принципиально невозможно [Талеб 2009].

В этом же ключе лежит и «шнурочная» концепция истории Дж. Сороса, являющаяся прямым следствием его теории рефлексивности [Сорос 1996]. Ее суть сводится к следующему. Все события могут быть условно разделены на две категории – *повседневные (случайные)*, не вызывающие изменений в восприятии людей, и *исторические (уникальные)*, влияющие на сложившиеся мнения участников и ведущие к дальнейшим изменениям господствующих условий [Сорос 1996, с. 67]. Благодаря именно второй группе событий реальность не колеблется вокруг некоего заданного равновесного состояния (что не позволило бы реализоваться исторически значимым сдвигам!), а постоянно меняется. Вполне естественно, что при этом большинство исторических событий не имеет ни регулярной формы, ни повторяющейся модели [Сорос 1996, с. 69]. В этом смысле все исторические события уникальны и, как правило, напрямую не повторяются, что может служить своеобразным теоретическим обоснованием тезиса – «история ничему не учит».

Согласно Дж. Соросу, история представляет собой рефлексивный процесс, в котором *фундаментальные условия* (реальность) находятся в постоянном взаимодействии с *восприятиями и предпочтениями* (взглядами, мыслями и идеями людей). В результате этого последовательность событий не ведет напрямую от одного набора фактов к другому; вместо этого она перекрестным образом, наподобие шнура от ботинок, соединяет факты с их восприятиями, а восприятия с фактами. Образно говоря, концепция рефлексивности предполагает «шнурочный» механизм исторического процесса [Сорос 1996, с. 52]. Иными словами, некие фундаментальные ценности и идеи движут людьми, которые в соответствии с этими идеями изменяют реальный мир. Однако произошедшие трансформации могут быть настолько значительными, что вызывают массовую переоценку ценностей, смену идеологических установок и доктрин. В дальнейшем новые идеи и базирующиеся на них социальные парадигмы инициируют очередную волну событий и т.д.

⁴ Данный вопрос уже поднимался в литературе [Балацкий 2011].

На новом витке апологетики неэргодичности социума Н. Талеб не просто вторит своим предшественникам, но делает очень категорические выводы. Лучше всего это иллюстрируют прямые цитаты: «Что касается прогнозирования – забудьте о прогнозировании: прогнозы (выраженные словами) не имеют никакого отношения к размышлению (выраженному делами)» [Талеб 2018, с. 48]. Или другой пассаж: «Просто запомните: прогноз, особенно когда он сделан “по науке”, часто оказывается последним убежищем шарлатана – да и был им с начала времен» [Талеб 2018, с. 49].

Концепции Д. Норта, Дж. Сороса и Н. Талеба смыкаются в общем и прекрасно дополняют друг друга за счет различий в проводимой в них дихотомии мира: у Д. Норта – это физическая и социальная среда, у Дж. Сороса – материальные условия жизни и их ментальные образы в сознании людей, у Н. Талеба – принимаемые индивидами риски и получаемые вознаграждения. Общий же пафос концепций Д. Норта, Дж. Сороса и Н. Талеба един: мир, в котором мы живем, является неэргодическим и принципиально непредсказуемым. И в своей последней книге Н. Талеб вносит окончательную ясность в глобальную концепцию неэргодичности, которая уже начинает претендовать на самостоятельное место в современном научном мейнстриме.

Глобальность и локальность феномена этики

Одним из приложений системного анализа Н. Талеба является этическое учение, в котором автору также удастся подметить неожиданные моменты в развитии человеческих сообществ. В частности, он провозглашает *примат этики перед законом*. «Этические принципы всегда более стойки, чем юридические. Со временем законы должны приближаться к этике, и никогда наоборот. Закон приходит и уходит, этика остается» [Талеб 2018, с. 90]. Эти суждения высвечивают *глобальность этики*, ее ведущую роль в жизни общества.

С другой стороны, Н. Талеб делает внешне парадоксальное, но вместе с тем очень точное утверждение: «Этика – явление по сути своей локальное» [Талеб 2018, с. 98]. Этим тезисом он очерчивает ограниченный радиус действия всех этических норм, что непосредственно связано с диалектикой части и целого, а также с локальностью действия самого ПШК. В реальности мы являемся не только самостоятельными игроками, но и элементом более обширной системы – семьи, трудового коллектива, профессионального сообщества, нации. В этой связи мы «отвечаем шкурой» не только за себя, но и за более широкую группу людей. Однако эта группа все-таки не может расширяться до размеров всего человечества из-за ограниченности возможности отождествлять интересы других людей со своими собственными. Тем самым имеет место следующая логическая цепочка: ограниченность наших социальных связей предопределяет локальность нашей ответственности за этот мир, а это в свою очередь продуцирует *локальность ПШК и локальность этики*.

Нассим Талеб приводит яркие примеры локальности этики: у цыган есть два свода правил – для цыган и для нецыган (или нечистых цыган); в инвестиционном банке *Goldman Sachs*, известном своей алчностью и агрессивностью, внутри

царит почти коммунистическая рабочая атмосфера благодаря партнерской системе управления. Можно продолжить эти примеры: например, ростовщичество в средневековой Европе традиционно велось евреями по причине запрета в иудаизме и христианстве ссуды денег в рост своим единоверцам, но кредитовать представителей других вероисповеданий не возбранялось. Отсюда жесткая этическая дихотомия: иудей, кредитующий иудея, – грешник; иудей, ссужающий деньги христианину, – достойный человек.

С несколько иной стороны проблема локальности этики ранее затрагивалась Фрэнсисом Фукуямой, который в ее основу ставил процесс самоидентификации человека. В частности, он показал цивилизационный парадокс групповой этики на примере японцев и немцев, которые отличаются высокой культурой сотрудничества и взаимопомощи в рамках своих наций, но прославились удивительной жестокостью во время Второй мировой войны по отношению к другим народам. Причина, по Ф. Фукуяме, проста: немцы и японцы не воспринимают чужие народы в качестве людей, по крайней мере, по отношению к которым применимы те же этические принципы, что и для своих соотечественников [Фукуяма 2006]. В результате имеет место уникальная ситуация: колоссальная терпимость по отношению к своим и зверская жестокость по отношению к чужим. В основе такого явления лежит свойство локальности чувства *эмпатии* (сопереживания): сострадать можно своим, а к чужим проявлять безразличие.

Локальность этики, помимо всего прочего, продуцируется еще и *политическими локациями*. Данное явление идеально характеризует высказывание братьев Грэм: «на уровне Федеральной резервной системы я – либертарианец, на уровне государства – республиканец, на местном уровне – демократ, а на уровне семьи и друзей – социалист» [Талеб 2018, с. 100]. В результате такой поведенческой гетерогенности мы имеем этику в виде слоеного пирога: для каждого аспекта социальной жизни предусмотрена своя этическая система. Этические и политические локации идут параллельно с *локальностью зависти*. И в этом порыве проявляется общая закономерность: как правило, люди чаще завидуют представителям своего же класса [Талеб 2018, с. 201].

Сказанное порождает закономерный вопрос: как бороться с локальностью этики? И Н. Талеб дает вполне вразумительный ответ на него – с помощью *принципа структурирования* социальных групп. Нужно выработать правила гармоничного сосуществования племен, а не смешивать их в одно неоднородное сообщество с едиными для всех законами [Талеб 2018, с. 96]. «Чем выше заборы, тем лучше соседи». Этот внешне безобидный подход неожиданно вносит новые краски в понятие расизма: если национальное большинство отрицает право национального меньшинства на самоуправление, то это не политический *универсализм*, а типичный политический *расизм*.

Перенос ответственности во времени и в пространстве

Развивая идеи локальности этики в контексте диалектики части и целого, Н. Талеб приходит к основополагающему выводу: нельзя сделать этический выбор между частным (семья, друзья) и общим (организация, нация) [Талеб 2018, с. 165]. Здесь

автор поднимает серьезный вопрос о выживании коллективов разной величины: например, бунтарская секта ессеев практиковала целибат, который снимал противоречия между интересами семьи и коллектива сектантов. Это позволяло ессеям выживать в смысле сохранения своей идентичности в краткосрочном периоде, но для выживания секты в перспективе не годилось, ибо нарушало естественный процесс воспроизводства социальной группы. Именно это обстоятельство говорит о неэффективности практики целибата.

Новый ракурс проблемы возникает, когда Н. Талеб рассматривает перенос рисков (ответственности) на других. Этическими являются только такие поступки, которые не предполагают «шкуры на кону» других людей. В противном случае посредством канала по перекалыванию ответственности накапливаются «этические долги». Иными словами, перенос рисков в пространстве (на другие субъекты) вызывает эрозию этического потенциала индивида во времени. Однако при такой общей отрицательной оценке процесса переноса ответственности Н. Талеб делает смелое теоретическое заключение о допустимости такой практики в исключительных случаях, например, для борьбы с терроризмом. Логика здесь примерно следующая. Террорист, убивающий семьи невинных людей, нарушает главный принцип этики: он переносит ответственность за какие-то действия власть предержащих на совершенно посторонних людей. Делает он это ради общины, которая его «вырастила» и «благословила», и предполагает, что он ничего не потеряет. Чтобы удержать от действий того, кто жертвует собой ради коллектива, нужно поставить «на кон шкуру» этого коллектива, что является нарушением этики, но исключительность ситуации оправдывает такое встречное нарушение моральных устоев. Единственный способ образумить шахида – дать понять ему, что его действие не является концом истории, что его семья и община будут нести за него финансовую или какую-либо другую ответственность. Германия до сих пор платит за военные преступления, так почему бы семью и общину террориста не подвергнуть такой же экзекуции?

Нассим Талеб затрагивает самый острый и тонкий вопрос, связанный с преступлением и наказанием. Он отдает себе отчет в том, что предлагаемый им способ не является этически нейтральным, но и оставаться в рамках этики перед противником, лишенным всяческих этических представлений, невозможно. Сегодня цивилизованный мир пока не готов идти по указанному Н. Талебом пути, однако спецслужбы отдельных стран (например, Турции и Израиля) уже пользуются им в ограниченном масштабе, однако подобные акции вызывают неоднозначную реакцию общечеловечности.

Типичным примером действия ПШК в политике может служить недавнее признание Соединенными Штатами Голанских высот в качестве законной территории Израиля. Логика Государственного департамента США состоит в том, что Израиль оккупировал эту часть территории Сирии после того, как подвергся нападению с ее стороны, вследствие чего Сирия должна платить по долгам. «Если за агрессию не надо платить и вы, атакуя, теряете часть своей земли в результате этого и затем получаете ее обратно просто потому, что не преуспели в этом, это очень плохая система» [Госсекретарь США призвал 2019]. Решение администрации Соединенных Штатов полностью соответствует ПШК, однако мировое сообщество пока не готово принять эту логику.

Таким образом, перед современным человечеством стоят две диаметрально противоположные проблемы. Первая: надо построить систему управления,

максимально препятствующую перенесению рисков (ответственности) с одних людей (коллективов) на других. Вторая проблема: нужно построить правовую систему по заранее предусмотренному перенесению ответственности между людьми и коллективами во времени и в пространстве в исключительных обстоятельствах. При этом мир пока не справляется с первой проблемой и даже близко не подошел к решению второй, однако закрывать глаза на них бессмысленно, и здесь Н. Талеб сказал свое веское слово.

Расширенная модель личного успеха

Ранее Н. Талеб уже сформулировал стилизованную модель личного успеха, которая позже была несколько расширена с учетом эффекта Т. Пикетти [Балацкий 2018]. В своей новой книге он в неявном виде уточняет и расширяет эту модель с учетом такого общественного института, как ПШК. В общем виде эту модель можно записать следующим образом:

$$U = \alpha x + \beta y + \gamma z + \mu k + [\zeta R - \rho(R - R^*)], \quad (3)$$

где U – масштаб личного успеха человека; x – величина природного таланта и способностей индивида; y – величина трудового вклада субъекта (трудопособность и трудолюбие); z – фактор Фортуны в виде бинарной переменной, определяющей наличие (1) или отсутствие (0) некоего благоприятного случайного события; k – начальный запас капитала (наследство); R – величина личной ответственности субъекта; R^* – величина личной ответственности, переложенной на других (в случае взятия на себя общественной ответственности $R^* < 0$); $\alpha, \beta, \gamma, \mu, \zeta$ и ρ – параметры модели.

В формуле (3) компонента $(\alpha x + \beta y)$ определяет «тихий» успех человека, тогда как три другие компонента ответственны за «дикий» успех. При этом переменной z человек, строго говоря, не управляет, и она от него не зависит: если человеку повезет, и он окажется в нужное время в нужном месте ($z=1$), будет иметь место гигантский успех; в противном случае положение человека будет зависеть только от его собственных талантов и усилий ($z=0$). Можно предположить, что z может принимать значение -1 . Тогда реализация такого исхода будет соответствовать наступлению для индивида некоего катастрофического события. Четвертый компонент модели (3) представляет собой фактор наследства или фактор Пикетти: он может вообще отсутствовать ($k=0$), а может быть огромным. По своей природе этот элемент личного успеха человека также не зависит от него, а дается по факту рождения. В каком-то смысле фактор Пикетти во многом похож на фактор Фортуны; более того, эти два элемента сопоставимы по масштабу влияния на жизнь субъекта.

Отдельного комментария требует пятый компонент формулы (3). Он показывает размер вознаграждения за принятую субъектом ответственность R по «цене» ζ и издержки, связанные с принятой ответственностью, по «цене» ρ . Причем издержки могут быть сильно сокращены в случае переноса ответственности на тре-

тых лиц в размере R^* . Если же субъекту удастся перенести всю ответственность на общество, то соответствующие издержки обнуляются, и человек превращается в своеобразного рантье по шкале рисков, когда полная безответственность сопровождается гигантскими бонусами. В сегодняшней России это типичная практика для высокопоставленных государственных чиновников.

Надо сказать, что в терминах Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона принято говорить о странах с *инклюзивными* и *экстрактивными* институтами [Аджемоглу, Робинсон 2015]. Именно государства с экстрактивными институтами являются средоточием практики перенесения рисков элиты на население при сохранении всех привилегий за высокое положение. Таким образом, поднимаемый Н. Талебом вопрос о перекладывании рисков имеет почти цивилизационное звучание. Грубо говоря, в «банановых» республиках, к числу которых уже относится и Россия, введенный ранее показатель Δ принимает гигантскую величину ($\Delta \rightarrow \infty$), а в развитых странах он стремится к нулю ($\Delta \rightarrow 0$).

Однако в своей книге Н. Талеб не ограничивается только индивидуальным измерением успеха, а говорит о его общественной стороне: например, он утверждает, что «жизнь – это самопожертвование и принятие риска» [Талеб 2018, с. 178]. Высшим выражением жизни является храбрость, под которой автор понимает принесение в жертву собственного благополучия ради выживания социальной системы. Ранее Н. Талеб для этих целей использовал термин «герой», но суть явления от этого не меняется: храбрец (герой) сознательно перекладывает чужие (общественные) риски на себя. И этот факт определяет его общественный успех (U^*), который можно выразить формулой:

$$U^* = -vR^*, \quad (4)$$

где v – параметр модели, определяющий общественную «цену» жертвы индивида в пользу социальной системы. Однако здесь есть определенный нюанс: в странах с инклюзивными режимами параметр, скорее всего, является положительным ($v > 0$), тогда как в странах с экстрактивными режимами он вполне может быть и отрицательным ($v < 0$). Содержательно это означает, что в здоровых сообществах «герою» воздается по заслугам (чем больше жертва, тем больше почет); в больных социумах героизм отрицается, осмеивается и порицается, а сами «герои» воспринимаются в качестве неудачников, дестабилизирующих общество.

Заключение: движение к жизни

Во всех своих книгах Н. Талеб ратует за культивирование трех фундаментальных принципов – *жизненности*, *прагматизма* и *простоты*, и в последней книге эти принципы отстаиваются еще более акцентированно. Отсутствие же таковых в современной экономической науке его страшно раздражает, что выражается в многочисленных диатрибах в адрес неблагополучной дисциплины. Сам же он показал пример того, как можно вводить в практику полезные управленческие решения,

которые в полной мере обладают и жизненностью, и прагматизмом, и простотой. Эталоном здесь выступает ПШК, который в современном политическом дискурсе по разным причинам замалчивается и отторгается. Однако набор полезных советов автора этой управленческой конструкцией не ограничивается. Хочется надеяться, что голос Н. Талеба будет услышан, и ситуация в области политики и управления будет постепенно меняться в лучшую сторону.

Иногда кажется, что все книги Н. Талеба специально написаны для России, однако глобализация привела к тому, что не только российская система управления находится в плачевном состоянии: есть еще множество стран, которым будут полезны талебовские советы, в том числе пропагандируемый им ПШК.

Некоторые нововведения Н. Талеба требуют своей конкретизации и интеграции в современный аналитический инструментарий с максимальной оцифровкой. Не исключено, что уже в ближайшее время эта работа будет разворачиваться в самом широком диапазоне.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Балацкий Е.В. (2011) Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 154–166.
- Балацкий Е.В. (2018) Концепция ускоренного накопления капитала и ее развитие Т. Пикетти // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 119–132.
- Госсекретарь США призвал не сравнивать ситуацию с Голанами и Крымом (2019) // <https://news.mail.ru/politics/36917725/?frommail=1>
- Ковалева К. (2018) «Рискуя собственной шкурой» // [Livejournal.com](https://kovaleva.livejournal.com/409564.html). 9 сентября 2018 // <https://kovaleva.livejournal.com/409564.html>
- Колесников А. (2018) «Рискуя собственной шкурой». Окончание. Нассим Талеб. Ключевые идеи из книги // [Smart-lab.ru](https://smart-lab.ru/blog/492397.php). 5 сентября 2018 // <https://smart-lab.ru/blog/492397.php>
- Мухин Ю. (2011) Тирания глупости. СПб: Питер.
- Нассим Николас Талеб. «Рискуя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни» – рецензия megadobro (2018) // [livelib.ru](https://www.livelib.ru/review/1018333-riskuya-sobstvennoj-shkuroj-skrytaya-asimetriya-povsednevnoj-zhizni-nassim-nikolas-taleb). 1 октября 2018 // <https://www.livelib.ru/review/1018333-riskuya-sobstvennoj-shkuroj-skrytaya-asimetriya-povsednevnoj-zhizni-nassim-nikolas-taleb>
- Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ.
- Рыбаков Е. (2018) Рецензия на книгу «Рискуя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни» // [Ozon.ru](https://www.ozon.ru/context/detail/id/146842421/). 19 ноября 2018 // <https://www.ozon.ru/context/detail/id/146842421/>
- Сорос Дж. (1996) Алхимия финансов. М.: Инфра-М.
- Талеб Н.Н. (2009) Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри.
- Талеб Н.Н. (2018) Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Фаизова Л. (2018) Автор «Черного лебедя» рассказал, как Путин, Трамп и Баффет «рискуют своей шкурой» // [Livejournal.com](https://storm100.livejournal.com/5371596.html). 17 августа 2018 // <https://storm100.livejournal.com/5371596.html>
- Фукуяма Ф. (2006) Доверие. М.: АСТ.
- Шегай В. (2018) Истинный интеллект не кажется интеллектуальным // [Vc.ru](https://vc.ru/flood/44198-istinnyy-intellekt-ne-kazhetsya-intellektualnym). 22 августа 2018 // <https://vc.ru/flood/44198-istinnyy-intellekt-ne-kazhetsya-intellektualnym>
- Leith W. (2018) Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb – Review: Why We Should Put Our Faith in People Who Have Something to Lose // *Evening Standard*, March 1, 2018 //

<https://www.standard.co.uk/lifestyle/books/skin-in-the-game-by-by-nassim-nicholas-taleb-review-a3779451.html>

Nassim Taleb Explains the Power of “Skin in the Game” (2018) // The Economist, February 22, 2018 // <https://www.economist.com/books-and-arts/2018/02/22/nassim-taleb-explains-the-power-of-skin-in-the-game>

Sabharwal A. (2018) A Review of Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb // Medium, April 1, 2018 // <https://medium.com/the-agenda-iyea/a-review-of-skin-in-the-game-by-nassim-nicholas-taleb-ec6efcec167a>

Williams Z. (2018) Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb Review – How Risk Should Be Shared // The Guardian, February 22, 2018 // <https://www.theguardian.com/books/2018/feb/22/skin-in-the-game-nassim-nicholas-taleb-review>

The Non-Ergodicity of the Social World: a Modern Doctrine

Book Review: Taleb N.N. (2018) Skin in the Game:

Hidden Asymmetries in Daily Life, Moscow:

Kolibri, Azbuka-Attikus (in Russian).

E. BALATSKY*

***Evgeny Balatsky** – DSc in Economics, Professor, Director of the Centre for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Address: room 219, 4, 4th Veshnyakovskij Passage, Moscow, 109456, Russian Federation. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Citation: Balatsky E. (2020) The Non-Ergodicity of the Social World: a Modern Doctrine. *MirRossii*, vol. 29, no 1, pp. 174–193 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193

Abstract

In 2018, the most recent book by Nassim Taleb “Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life” was finally made available to Russian readers. In it, just like in his previous bestsellers, the author raises several topical questions and offers his vision of their solutions. Taleb’s books are full of interesting and important claims, however, much more remains unsaid. The last book is no exception, and therefore I reflect on its contents, provide my comments on it, supplement the fundamental ideas of Taleb, and “embed” the key theses of the book in the context of modern social sciences. To do this, I propose a geometric model of the skin-in-the-game principle, which superimposes two population distribution functions – that of income and that of risk. I show that the extent of the divergence in the forms of the two curves acts as an imperfection of society and illustrates the degree of implementation of this principle. I further argue that this corresponds to the global civilizational trend, according to which the risks shift from the physical world into the social. The article demonstrates that

the skin-in-the-game principle was widely used in the Soviet Union during Stalin's era, and for many years has been promoted in the modern political discourse in Russia by opposition parties and leaders. In modern international politics, this principle is fully consistent with the act of recognizing the Golan heights by the USA as legitimate Israeli territory. To illustrate how non-ergodicity emerges as a feature of a social system, I offer some simple formulas for quantifying the effectiveness of the system that take into account the emergence factor stemming from the interaction between the system's elements. I also show the substantive equivalence of the doctrines of non-ergodicity and unpredictability offered by Taleb, Douglass North and George Soros. I argue that Taleb's concept of local ethics is closely related to Fukuyama's concept of the radius of trust. In conclusion, I consider an expanded model of personal success, which rests on five factors: natural talent, the ability to work, the factor of fortune, inheritance, and the effect of shifting risk to third parties.

Key words: risk, institutions, information, success, ergodicity, non-ergodicity, consistency

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishhety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty], Moscow: AST.
- Balatsky E.V. (2011) Kognitivno-institutsional'nyj sintez D. Norta [Cognitive-institutional Synthesis of D. North]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 154–166.
- Balatsky E.V. (2018) Kontseptsiya uskorenogo nakopleniya kapitala i ee razvitie T. Piketti [The Concept of Accelerated Capital Accumulation and Its Applications]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 119–132.
- Faizova L. (2018) Avtor «Chernogo lebedya» rasskazal, kak Putin, Tramp i Baffet «riskuyut svoej shkuroj» [The Author of the “Black Swan” Explained How Putin, Trump and Buffett “Risk Their Skin”]. *Livejournal.com*, August 17, 2018. Available at: <https://storm100.livejournal.com/5371596.html>, accessed 31.10.2019.
- Fukuyama F. (2006) *Doverie* [Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity], Moscow: AST.
- Gossekretar' SShA prizval ne sravnivat' situatsiyu s Golanami i Krymom [The Secretary of the US State Department Urged not to Compare the Situation in Golan and Crimea] (2019). *News.mail.ru*, April 10, 2019. Available at: <https://news.mail.ru/politics/36917725/?frommail=1>, accessed 31.10.2019.
- Kolesnikov A. (2018) «Riskuya sobstvennoj shkuroj». Okonchanie. Nassim Taleb. Klyuchevye idei iz knigi [“Skin in the Game”. Ending. Nassim Taleb. Key Ideas from the Book]. *Smart-lab.ru*, September 5, 2018. Available at: <https://smart-lab.ru/blog/492397.php>, accessed 31.10.2019.
- Kovaleva K. (2018) «Riskuya sobstvennoj shkuroj» [“Skin in the Game”]. *Livejournal.com*, September 9, 2018. Available at: <https://kovaleva.livejournal.com/409564.html>, accessed 31.10.2019.
- Leith W. (2018) Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb – Review: Why We Should Put Our Faith in People Who Have Something to Lose. *Evening Standard*, March 1, 2018. Available at: <https://www.standard.co.uk/lifestyle/books/skin-in-the-game-by-by-nassim-nicholas-taleb-review-a3779451.html>, accessed 31.10.2019.

- Mukhin Yu. (2011) *Tiraniya gluposti* [Tyranny of Stupidity], Saint Petersburg: Piter.
- Nassim Nicholas Taleb. «Riskuya sobstvennoj shkuroj». Skrytaya asimmetriya povsednevnoj zhizni [Nassim Nicholas Taleb Explains the Power of “Skin in the Game” The Hidden Asymmetry of Everyday Life - Megadobro Review] (2018). *Livelib.ru*, October 1, 2018. Available at: <https://www.livelib.ru/review/1018333-riskuya-sobstvennoj-shkuroj-skrytaya-asimmetriya-povsednevnoj-zhizni-nassim-nikolas-taleb>, accessed 31.10.2019.
- Nassim Taleb Explains the Power of “Skin in the Game” (2018). *The Economist*, February 22, 2018. Available at: <https://www.economist.com/books-and-arts/2018/02/22/nassim-taleb-explains-the-power-of-skin-in-the-game>, accessed 31.10.2019.
- North D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the Process of Economic Change], Moscow: HSE.
- Rybakov E. (2018) Retsenziya na knigu «Riskuya sobstvennoj shkuroj. Skrytaya asimmetriya povsednevnoj zhizni» [Book Review: Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life]. *Ozon.ru*, November 19, 2018. Available at: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/146842421/>, accessed 31.10.2019.
- Sabharwal A. (2018) A Review of Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb. *Medium*, April 1, 2018. Available at: <https://medium.com/the-agenda-iyea/a-review-of-skin-in-the-game-by-nassim-nicholas-taleb-ec6efcec167a>, accessed 31.10.2019.
- Shegaj V. (2018) Istinnij intellekt ne kazhetsya intellektual'nym [True Intelligence Does Not Appear Intellectual]. *Vc.ru*, August 22, 2018. Available at: <https://vc.ru/flood/44198-istinny-intellekt-ne-kazhetsya-intellektualnym>, accessed 31.10.2019.
- Soros G. (1996) *Alkhimiya finansov* [The Alchemy of Finance], Moscow: Infra-M.
- Taleb N.N. (2009) *Chernyj lebed'*. *Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable], Moscow: KoLibri.
- Taleb N.N. (2018) *Riskuya sobstvennoj shkuroj. Skrytaya asimmetriya povsednevnoj zhizni* [Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life], Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Williams Z. (2018) Skin in the Game by Nassim Nicholas Taleb Review – How Risk Should Be Shared. *The Guardian*, February 22, 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2018/feb/22/skin-in-the-game-nassim-nicholas-taleb-review>, accessed 31.10.2019.